П. Э. Подалко

Университет Аояма Гакуин, Токио, Япония

«ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ»: ГЕНЕРАЛ Н. Н. МУРАВЬЕВ И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ XIX ВЕКА

История российской дипломатии, как и любой другой, знала периоды взлетов и падений; при этом наибольшие успехи, как локального, так и глобального масштаба, нередко достигались не профессиональными дипломатами, а лицами, как бы случайно оказавшимися «в нужное время в нужном месте», что отчасти подтверждает мысль мемуариста о российском «умении всегда пользоваться людьми обратно их талантам». Одним из таких, неизменно нужных, людей, многократно служивших России в самых разных сферах и сделавших немало для повышения ее международного престижа, был генерал Николай Николаевич Муравьев-Карский (1794–1866). Военные заслуги генерала Муравьева достаточно известны его победами на Кавказе в ходе Русско-Персидской (1826–1827) и Русско-Турецкой (1828–1829) войн, а также в бытность его наместником и главнокомандующим на Кавказе во время Крымской войны (1855–1856). Менее изучены и описаны его дипломатические и разведывательные успехи, достигнутые в ходе экспедиции в Хиву (1819) и во время миссии в Турции (1832–1833), когда русский генерал выступил в качестве посредника по урегулированию конфликта между султаном Махмудом II и правителем Египта Мухаммедом-Али, подготовив почву для подписания между Россией и Османской империей двустороннего Ункиар-Искелесского договора, а также его деятельность на Кавказе во время Крымской войны, и меры по нейтрализации горцев Шамиля.

Ключевые слова: Восточный вопрос; русская дипломатия; горцы Кавказа; русско-турецкие отношения; человек на своем месте; профессиональный подход.

P. E. Podalko

Aoyama Gakuin University, Tokyo, Japan

«FORGOTTEN HERO» GENERAL N. N. MURAVIEV AND RUSSIAN DIPLOMACY OF XIX CENTURY

The success or failure of a nation's diplomacy depends to a large extent on the skill and experience of its representatives abroad. Fortunately, as it often happens with Russia and Russians, sometimes the personality of a certain man helps solve a problem when almost nobody expects any smart decision. For example, in the case of the military personnel as well as of foreign affairs staff in the so-called "Oriental things", one should mention the name of General Nikolai Nikolaevich Muraviev-Karssky (1794–1866). He began his military career in 1812 against Napoleon troops, and later served his sovereign and country

not only on battlefield but also as intelligence officer and skilled diplomat in Middle Asia, Turkey, Persia and Caucasus. While his military successes, especially victorious capture of the Turkish fortress of Kars (twice, in 1828 and 1855) made him very popular in Imperial Russia, Muraviev's achievements in diplomacy, including his role in signing of the Russo-Turkish Treaty of 1833, his later negotiations with Imam Shamil, and his intelligence duties still remain relatively unknown to the public. His professional attitude and eagerness to work effectively, ended up being example of the right man in the right place, who skillfully managed to strengthen Russian positions in the Orient in the first half of XX century. In general, this article has aimed to contribute to research on the history of Russian diplomacy in the Middle and Near East.

Key words: Oriental Problem; Russian diplomacy; highlanders of Caucasus, Russo-Turkish relations, right man in the right place, professional attitude

1. Семейное древо

Одной из причин явно недостаточного внимания отечественных и зарубежных историков к фигуре Н. Н. Муравьева видится обилие у него знаменитых родственников-однофамильцев, среди которых было также немало полных «именных двойников»; в принципе, подобное совпадение было достаточно типично в тогдашней Российской империи, но даже с учетом этого, тезки Муравьевы своим дублированием имен и чинов образуют достаточно редкую группу. Так, был период, когда в списках российских военных чинов одновременно числились сразу три генерала Муравьева, причем все трое были Николаи Николаевичи!

Эта особая «множественность» чрезвычайно разветвленной фамилии была рано отмечена современниками. «Муравьевых весьма много; некоторые из них — декабристы — вечно будут жить в признательной и благоговейной памяти россиян; другие...приобрели себе репутацию совсем иного рода», — так писал в своих очерках современник нашего героя, князь-эмигрант П. В. Долгоруков, являвшийся одним из наиболее осведомленных историков русского дворянства [Долгоруков, 1992. С. 312].

История рода Муравьевых берет свое начало в Рязанской земле. В конце XV века в княжестве Рязанском жил боярский сын Василий Алаповский, имевший трех сыновей: Осипа, по прозвищу «Пуца» [стал родоначальником дворян Пуцких — П. П.], Ивана, по прозвищу «Муравей», и Иова. Иван Васильевич Муравей, в свою очередь, имел четырех сыновей, давших начало шести ветвям Муравьевых, из которых будущий покоритель крепости Карс принадлежал к третьей ветви. Здесь можно также упомянуть, что наиболее известный на Дальнем Востоке России и в странах Восточной Азии представитель этого семейного «муравейника», генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н. Н. Муравьев-Амурский (1809–1881) принадлежал к пятой ветви рода Муравьевых, берущей начало в первой половине XVI в. — как раз тогда, когда и произошло собственно разделение на отдельные фамилии этого столь богатого потомками дворянского рода.

Отец и полный тезка Н. Н. Муравьева, генерал-майор Николай Николаевич Муравьев (1768–1840), «человек умный и замечательной учености» [Долгоруков, 1992. С. 314], в молодости учился в Страсбургском университете, потом служил в армии и на флоте, и, наконец, выйдя в отставку, занялся сельским хозяйством. Будучи прекрасным математиком, он преподавал эту науку частным образом своим пяти сыновьям, а позднее стал учредителем и главным спонсором знаменитой в Москве Школы (позднее — Училища) колонновожатых, причисленной к военному ведомству и ставшей прямой предшественницей будущей Академии Генерального Штаба (открыта 26 ноября 1832 г.). С 1816 г. и вплоть до своего перевода в Петербург (1823), Училище Муравьева подготовило и выпустило 138 слушателей, из которых 127 человек были причислены к свите Его Величества по квартирмейстерской части.

2. Первая поездка на Кавказ и Хивинская экспедиция

Второй сын Н. Н. Муравьева, названный, как и отец, Николаем, родился 14 июля 1794 г. После обучения в родительском доме, в возрасте 16 лет, в феврале 1811 г. он прибыл в Петербург, где сдал экзамен на чин прапорщика, после чего был принят на должность преподавателя математики и фортификации в училище, которым руководил его отец. В 1812–1815 гг. Н. Н. Муравьев служил при квартирмейстерской части Гвардейского корпуса. К этому времени относится его знакомство с генералом А. П. Ермоловым (1772–1861), который в 1816 г., получив назначение посланником в Персию, включил штабс-капитана Муравьева в состав формируемого им посольства.

В октябре 1816 г. Муравьев впервые прибыл на Кавказ, где сразу же занялся топографической съемкой местности, периодически выезжая в приграничные районы на персидской и турецкой границах. Тогда же у него возникает стремление изучать местные языки, чему способствовали как чисто служебные интересы, так и желание как можно менее зависеть от переводчиков, которые на Востоке зачастую становились полноправными участниками переговоров и нередко вмешивались в работу военных и кадровых дипломатов.

Во время пребывания в Персии в составе посольства (1817) Муравьев посетил Эривань (ныне Ереван, столица Республики Армения — П. П.), Нахичевань, Тавриз, Тегеран, и везде продолжал вести записи в дневнике, начатом много лет назад и ставшем основой будущих подробных «Записок» Муравьева, которые он составлял на протяжении всей жизни.

Вскоре по возвращении в Тифлис (ныне Тбилиси, столица Республики Грузия-П. П.), у Ермолова возникла идея организации командировки Муравьева через туркменские земли в Хивинское ханство, формально — с целью проведения переговоров с Хивинским ханом о торговле. Однако, помимо официального, было и неофициальное задание: проведение описания Хивинского ханства, изучение местности, основных дорог и водных путей, сбор любых важных сведений, доступных внимательному профессионалу.

С 1817 по 1847 г. в структуре российского МИД существовало единственное подразделение, основанное на географическом признаке — Азиатский департамент, имевший «главным предметом своим дела азиатских народов, России подвластных, а равно и тех, с коими сие государство находится в торговых или в других каких-либо сношениях» [История внешней политики России, 1999. С. 245]. Однако, отсутствие четко выраженной восточной политики, неопределенность сухопутной границы (к тому времени казахские земли ещё не были освоены русскими и присоединены к империи) способствовали тому, что многое на азиатских рубежах решалось благодаря сугубо частной инициативе местных чиновников, либо не решалось совсем — при отсутствии таковой.

10 июля 1819 г. в Тифлисе генерал от инфантерии Ермолов вручил капитану Генерального штаба Муравьеву инструкцию относительно «экспедиции к Тухменским (туркменским — П. П.) берегам». Суть вопроса, прикрытая общими словами о будущей торговле и дружбе между ханом и царем, сводилась, по мнению современного историка, к следующему: узнать, «можно ли будет в случае войны с Персией вооружить и использовать туркмен» [Гордин, 2012. С. 485].

3 августа 1819 г. корвет «Казань» и шкот «Святой Поликарп» встали на якорь близ Серебряного бугра на восточном берегу Каспийского моря. Они доставили отправленную Ермоловым экспедицию в составе 140 человек, возглавляемую Елизаветпольским (Елизаветполь — так в 1804–1918 гг. именовался город Гянджа, ныне в Республике Азербайджан — П. П.) начальником майором Пономаревым, которому предписывалось заложить на восточном берегу Каспия крепость и пристань (будущий Красноводск, ныне — город Туркменбаши, Туркменская Республика — П. П.). Муравьев должен был содействовать Пономареву в выборе наибо-

лее удобного места для крепости, после чего отправиться в Хиву в сопровождении денщика, переводчика-армянина и туркменских купцов [Задонский, 1974. С. 123].

Завершив работу с Пономаревым и определив место закладки будущей крепости, 20 сентября Муравьев вместе с караваном туркмен отправился в Хивинское ханство под именем Мурад-бека, откуда возвратился назад, в Красноводскую бухту, 14 декабря, затратив, таким образом, на все путешествие, включая дорогу в оба конца, менее трех месяцев. 24 декабря он уже был в Баку, где получил приветственную депешу от главнокомандующего генерала Ермолова. Результаты поездки, включая переговоры с ханом и его окружением, были позднее обобщены в виде книги, вышедшей в Москве в 1822 г. — «Путешествие в Туркмению и в Хиву гвардейского генерального штаба капитана Николая Муравьева», Москва, 1822 г. Книга вскоре была переведена на английский, французский и немецкий языки, а сам Муравьев признан лучшим в России знатоком закаспийских земель. Позднее он еще раз ездил по заданию Ермолова в туркменские земли (1821–1822), продолжая изучать региональные языки: грузинский, армянский, персидский, составил по приказу командующего турецкую грамматику, по которой позднее занимались, в числе прочих, сам А. П. Ермолов и его приближенный чиновник, поэт и дипломат А. С. Грибоедов.

Русско-персидская война 1826–1828 гг. дала новый толчок карьере Муравьева. Начав её командиром 7-го карабинерного полка, он заканчивал войну в качестве исполняющего обязанности начальника штаба всего Отдельного Кавказского корпуса. 15 марта 1828 г. Муравьев был произведен в генерал-майоры и назначен командиром гренадерской бригады [Задонский, 1974. С. 223]. Вскоре началась война с Турцией, которая окончательно определила «региональную специализацию» генерала Муравьева. За боевые подвиги при взятии крепостей Карс и Ахалцых в течение одной военной кампании, Муравьев был награжден подряд двумя Георгиевскими крестами (4-й и 3-й степени) — случай, редчайший в русской армии.

Во время подавления Польского восстания (1831) Муравьев командовал бригадой в армии фельдмаршала И. И. Дибича (Забалканского), но особых подвигов не совершал; позднее, ему под начало была дана пехотная дивизия, затем — корпус, а в 1838 г. он вышел в отставку и около десяти лет находился не у дел.

3. Новый подход к решению «Восточного вопроса» Ункиар-Искелесский договор 1833 г.

Ситуация вокруг решения так называемого «Восточного вопроса» с начала XIX в. начала радикально изменяться. По словам известного русского историка Ключевского, «Грандиозный план восстановления Византийской империи разбился на проекты простого раздела Турции подобно Польше» [Ключевский, 1983. С. 273]. Для всех участников этого процесса Турция виделась общеевропейской международной добычей, которая пока ещё держалась, сохраняя себя в качестве единого государства, но «не тем, что не надеялись ее разрушить, а тем, что не знали, что делать с ее развалинами: всех пугала не сила ее жизни, а следствия ее смерти» [Ключевский, 1983. С. 274]. Длительное время европейские правители не могли уяснить для себя интересы, во имя которых можно было действовать, которыми можно было прикрыться, не опасаясь при этом обвинений в одностороннем наращивании своей экспансии. На Западе долго не понимали национального существа дела — т. е., того, что под турецким владычеством сохранились народности, которые следовало освободить. По мнению всё того же Ключевского, «Присутствие народностей, которые могли бы составить независимые государства, стало уясняться Россией и Европой именно с восстания сербов и греков», при этом Россия в понимании данного вопроса несколько опережала страны Запада. Двойственность ситуации для России прошла со сменой

императора: если Александра I в его поддержке греческого движения за независимость связывали обязательства создателя и главного охранителя Священного Союза, то Николай Павлович не был сдерживаем этими обязательствами. Стоя на позиции сохранения принципа легитимизма, он вместе с тем «хотел видеть в вопросе то, что нашел: нашел народности, стремящиеся к независимости, и начал их освобождать» [Ключевский, 1983. С. 274], одновременно не забывая о российских государственных интересах — разумеется, так, как сам он их понимал.

«Иметь контроль над проливами, избавиться от серьезной опасности со стороны Англии, не пускать угрожающий чужой флот в Черное море, обезопасить все русское побережье Черного моря от обстрела кораблями любой державы, которая, в согласии с Турцией, пожелает громить русские приморские города, — таково было с давних пор одно из основных заданий, какие ставила себе русская дипломатия. ... При Екатерине и Александре дело доходило до войн, при Павле всё ограничилось мечтаниями царя над ростопчинским проектом присоединения балканских владений Турции и «подведения» их под скипетр всероссийский» — а это уже мнение по данному вопросу историка следующего поколения, академика Е. В. Тарле [Тарле, 2005. Т.1. С.74].

Русско-турецкая война (1828–1829), завершившаяся Адрианопольским мирным договором (1829) — единственная война, в которой император Николай I принял личное участие, — открыла новую эпоху во взаимоотношениях России и европейских держав после Венского конгресса; она оказалась также первой Русско-турецкой войной, популярной на Западе именно в либеральных кругах общества, и одновременно тревожной для европейских правительств, что явило собой расклад, обратный положению России в Священном Союзе. Император, только что подавивший у себя военную революцию (восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г.), неожиданно для всех выступал за народную революцию на Балканском полуострове — в интересах преобладания России на Востоке. Это ознаменовало новый период в истории «Восточного вопроса», характерной чертой которого стала идея разложения Турции на «племенные части, расположенные к России», согласно удачному определению Ключевского.

В своем капитальном исследовании биографии Николая I современный учёный Л. В. Выскочков отмечает, что «как человек Николай Павлович мог лично симпатизировать некоторым национальным движениям». Так, в 1821 г., находясь в Берлине, тогда еще не император, а великий князь Николай активно участвовал в сборе средств в пользу восставших греков, и позднее не раз высказывался по греческому вопросу [Выскочков, 2003. С. 387].

Правда, диалектика истории проявилась также и в том, что балканские народы, добившиеся с помощью России государственной самостоятельности, затем начали ориентироваться на Запад, хотя русское влияние на них по-прежнему оставалось значительным.

Адрианопольский мирный договор (1829) в значительной степени приблизил Россию к разрешению вопроса о проливах, однако не дал все-таки того, что русский царь считал главным. В этом смысле новые события в Турции, развернувшиеся в 1832 г., пришлось как нельзя кстати, создав для России неожиданно благоприятную ситуацию.

В 1832 г. правитель Египта, Мухаммед-Али, поднял вооружённое восстание против султана Махмуда II. Египетская армия разбила турок под Хомсом (ныне на территории Сирии — П.П.), заняла Сирию и двигалась на Стамбул, в то время как египетский флот блокировал турецкую эскадру под Мармарицей. Египет, считавшейся неотделимой частью Турции под управлением наместника султана, грозил полным отделением от метрополии, с захватом также Сирии и ряда приморских областей. Угроза распада Османской империи была налицо, причем все это началось достаточно внезапно, события развивались стремительно, и времени на раздумья у европейских правителей попросту не было. Русское правительство решило использовать сложившуюся ситуацию с максимальной пользой для себя, и по возможности расширить свои преимущества, полученные благодаря только что заключенному Адрианопольскому мирному договору.

польскому мирному договору. Было решено послать в Турцию и Египет официального представителя, но при этом не профессионального дипломата, чтобы лишний раз не раздражать английскую и французскую стороны. Турецкие власти некоторое время колебались, надеясь на аналогичные ходы со стороны западных держав, но кроме слов ободрения, оттуда ничего не последовало. В конечном итоге, английские заверения в истинной дружбе уступили предложению немедленной помощи, прозвучавшему из Петербурга.

Выбор царя пал на генерала Николая Муравьева, который в то время находился в официальном отпуску по армии и поэтому мог рассматриваться как частное лицо. Знание Муравьевым восточных языков (к тому времени он, помимо основных европейских, владел также турецким, персидским и арабским языками) значительно увеличивало шансы миссии на успех, ибо он сочетал в себе и посланника и переводчика — случай по тем временам весьма редкий, особенно для работы на Востоке. В подкрепление миссии Муравьева, в Севастополе к выходу готовилась эскадра Черноморского флота из девяти кораблей под командованием контр-адмирала М. П. Лазарева.

9 декабря 1832 г. русский фрегат «Штандарт» вошел в пролив Босфор, а уже 11 декабря Муравьев и посол России в Турции А. П. Бутенев нанесли первый визит султану Махмуду II, после чего 23 декабря «Штандарт» с обоими русскими представителями на борту отплыл в Египет. Результатом переговоров с противоположной стороной было полное прекращение ею военных действий. Султан объявил, что отдает себя под защиту русского императора, 20 февраля того же года эскадра контр-адмирала Лазарева вошла в Босфор, а в долине Ункиар-Искелеси высадился 10-тысячный пехотный корпус, поступивший (как и моряки эскадры) под общее командование генерала Муравьева. Англия и Франция вынуждены были занять примирительную позицию, побуждая султана пойти на соглашение с русскими, чтобы поскорее убрать русские войска из окрестностей Стамбула. В Турцию прибыл полномочный представитель императора граф А. Ф. Орлов, взявший на себя официальные переговоры и заставивший египетскую сторону подписать мир с султаном. В итоге, Мухаммед-Али вновь признавал себя вассалом Махмуда II и получал в управление Сирию, а Россия 8 июля 1833 г. заключила с Турцией Ункиар-Искелесский оборонительный договор сроком на восемь лет, секретная статья которого закрывала пролив Дарданеллы для прохода любых военных судов третьих стран под любыми предлогами. Тем самым ликвидировалось «единственное слабое звено в русской государственной обороне» [Тарле, 2005. Т. 1. С. 82]. Договор этот позволил России мирным путем достигнуть столь желаемого ею контроля над Черноморскими проливами, чего она безуспешно добивалась в ходе многочисленных войн на протяжении почти двух столетий.

Подписание турками договора о фактическом покровительстве их со стороны православного государства в 380-ю годовщину падения Константинополя (29 мая 1453 г.) и превращения его в Стамбул выглядело не только символично, но и знаменательно в свете поворота России к поиску новых путей решения «Восточного вопроса».

Спустя 6 лет Мухаммед-Али вновь поднял восстание против султана, в ходе подавления которого турецкие войска опять были разбиты, Махмуд II внезапно скончался, а его сын Абдул-Меджид обратился за помощью уже не к одной России, а одновременно к представителям всех великих держав. Итогом их участия стало заключение в Лондоне так называемого «Договора четырех держав» (Россия, Англия, Австрия и Пруссия) для спасения Турции (заключен 15 июля 1840 г.), дававшего последней «коллективную защиту». Николай I при этом отказался от продления Ункиар-Искелесского договора, хотя это право продления предусматривалось договором 1833 г., а Россия тем самым потеряла все свои односторонние преимущества в проливах и на Черном море, получив взамен гарантию великих держав о запрете прохода военных судов через проливы. С этого времени постепенно начинает обостряться соперничество России с Англией на Ближнем и Среднем Востоке.

4. Снова на Кавказе: Второе взятие Карса и нейтрализация Шамиля

Во время Крымской, или Восточной, войны (1853–1856), Кавказский театр военных действий с самого начала рассматривался как периферийный участок: в качестве противника здесь выступали одни турки, масштаб вооруженных столкновений, особенно на раннем этапе военных действий, также уступал севастопольским боям. Однако со временем возросла угроза высадки турецкого (а в перспективе — и английского) десанта на западном побережье Кавказа, могущая привести к утрате русскими обширной территории, да и в Закавказье турецкие войска под командованием многочисленных английских, венгерских и польских офицеров готовились к переходу в наступление. В этой ситуации семидесятидвухлетний наместник князь М. С. Воронцов (1782–1856), давно просившийся в отставку, сдал дела генералу от кавалерии Н. А. Ряду и уехал в Германию лечиться. Генерал Ряд, в свою очередь, растерялся от оказанного ему столь неожиданного доверия, так как будучи профессиональным военным, не привык к административной деятельности: он, в буквальном смысле слова, впал в панику и, в конце концов, подал доклад императору Николаю I о необходимости вывести русские войска с Кавказа, скрыть имеющиеся там укрепления, т. е., по сути, сдать территорию противнику. Императору стало ясно, что требуется срочно искать нового кандидата на роль главнокомандующего на Кавказе. Вскоре после получения Николаем I упомянутого доклада состоялась («к счастью России», по выражению мемуариста П. В. Долгорукова) аудиенция генерала Н. Н. Муравьева у цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II — П. П.).

После начала Крымской войны Н. Н. Муравьев был назначен в Финляндию на смену тамошнему генерал-губернатору барону П. Н. Рокасовскому (1797–1869), «отличному начальнику края во дни мира и тихой гражданской деятельности», по мнению П. В. Долгорукова. Проезжая Петербург по пути в Финляндию, Муравьев отправился представиться цесаревичу, который спросил у него, как старого «кавказца», мнение о докладе генерала Ряда. Ответ Муравьева был краток: «Кавказ нельзя отдавать на жертву туркам и горцам; Кавказ отстоять можно и должно» [Долгоруков, 1992. С. 234]. Наследник сообщил этот ответ царю, и Муравьев, ставший незадолго до этого генералом от инфантерии (т. е., полным генералом — П. П.) был 29 ноября 1854 г. вновь назначен на Кавказ — на сей раз уже в качестве наместника и командира Отдельного Кавказского корпуса.

Известная всем резкость Муравьева, его прямое и, временами, достаточно крутое, обхождение, особенно по контрасту с его предшественником Воронцовым, знаменитым своей мягкостью и «английской» сдержанностью, явились на Кавказе тяжёлыми нововведениями. Будучи строгим к самому себе, он был строг и по отношению к другим, и не обращал ни малейшего внимания ни на знатность человека, ни на его блестящие придворные связи. «Богато одаренный от природы и умом, и нравственными качествами, но вместе с тем натура цельная, натура неотшлифованная, до крайности угловатая» (по оценке все того же П. В. Долгорукова — П. П.), Муравьев принял командование в ситуации, когда практически любой другой на его месте постарался бы отказаться от такого назначения. Просьба его о людских и материальных подкреплениях была сразу же отвергнута императором ещё до выезда генерала из Петербурга, т. е. надеяться приходилось лишь на уже имевшиеся силы, которых было заведомо мало, и на самого себя как полководца. Следует отметить, что назначение Муравьева было в целом положительно оценено в обществе и при дворе, что отчасти подтверждается мнением, выраженным фрейлиной цесаревны (будущей императрицы Марии Александровны — П. П.) А. Ф. Тютчевой: «Муравьев почти единственный генерал, на которого Россия может рассчитывать» [Тютчева, 2001. С. 201].

Главным военным итогом полугодового пребывания Муравьева в качестве наместника и главнокомандующего на Кавказе, стало взятие его войсками крепости Карс с 16-ты-

сячным гарнизоном во главе с английским генералом Уильямсом, состоявшееся 16 ноября 1855 г. Среди трофеев, помимо прочего, были захвачены 130 пушек и 30 000 ружей. Описывая обстановку в столице, А. Ф. Тютчева отмечала в своем «Дневнике» 2 декабря: «Известие о занятии Карса сильно подняло здесь дух. Это было крайне необходимо... теперь мы снова можем дышать. ... Непобедим народ, который верит сам в себя». Спустя два дня, 4 декабря 1855 г., последовала новая запись: «Я написала Николаю Муравьеву и поздравила его. Я очень горда тем, что Россия обязана своим первым успехом в этой войне одному из самых близких моих друзей. ... Там совершаются великие события.» [Тютчева, 2001. С. 222–223]. В тот же день было объявлено о награждении генерала-от-инфантерии Н. Н. Муравьева Георгиевским крестом 2-й степени и почетной приставкой к фамилии «Карский».

Из истории русско-турецких войн известно, что в XIX в. русская армия брала крепость Карс четыре раза — в 1807, 1828, 1855 и 1878 гг., причем два раза из четырех это осуществили войска под командованием генерала Н. Н. Муравьева. На Парижском мирном конгрессе (1856), подводившим итоги Крымской войны, сухопутная крепость Карс была фактически обменена на морскую крепость Севастополь; по словам подполковника Генерального штаба Аверьянова, «все завоевания кавказских войск... были той ценой, которую России пришлось заплатить за возвращение Севастополя» [Шишов, 2005. С. 378]. Вынужденно соглашаясь на подписание унизительного мира, тем не менее, благодаря Карской победе, Россия сумела в итоге избежать большего поражения в той войне.

Здесь нельзя не отметить ещё одно важное достижение генерала, а именно — достигнутое им фактическое перемирие с горцами, что позволило высвободить часть сил, необходимых для пополнения армии в Закавказье, и сохранить за Россией Черноморское побережье. «Таковых народов оружием покорить невозможно» — эта формула адмирала Н. С. Мордвинова (1754–1845), выраженная им в составленном задолго до рассматриваемых событий «мнении о способах, коими России удобнее привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорить их силою оружия» [Гордин, 2012. С. 333, 462], была также весьма близка и мировоззрению генерала Муравьева, в молодости состоявшего в тайных обществах и имевшего немало родственников среди осужденных декабристов.

В итоге, Муравьев, бывший исходно противником любых форм геноцида в отношении горцев Кавказа, отчего он в свое время имел по этому поводу немало разногласий с тогдашним главнокомандующим А. П. Ермоловым, сумел удержать Шамиля от совместного выступления последнего с турками, и тем самым добился от Шамиля практического нейтралитета в войне. Получив от императора разрешение на возврат Шамилю его сына Джемал-Эд-дина (взятого некогда русскими в плен и ставшего позднее офицером русской армии), что было давнишним желанием имама, Муравьев получил возможность прямого воздействия на предводителя горцев, так как Джемал-Эд-дин был уже к тому времени настроен абсолютно прорусски. Попытки англо-турецких агентов возбудить горцев на активизацию борьбы с русскими также потерпели неудачу. Как позднее писал об этом сам Муравьев в книге «Война за Кавказом в 1855 году» (издана в Петербурге в 1876 г. — П.П.), «Союзники не достигли сближения, коего домогались в сношениях с народом Кавказа..., определяя каждому горцу по десяти рублей жалования в месяц; но закубанцы решительно отказались следовать за ними и показали явное отвращение к туркам и англо-французам.... При большей опытности и лучшем знании народов, с коими союзники вступили в сношения, они должны были бы рассудить, что горцам, воюющим с нами за независимость, равно противно было всякое иго и что введение порядков, которых они могли ожидать от наших врагов, столько же было для них тягостно, как и наше владычество. Если при этом принять во внимание силу привычки, составляющую вторую природу нашу, то будет понятно, почему горцы не решились избрать для себя новых врагов, каковыми были бы турки и англо-французы, людей с неизвестными обычаями, новыми распорядками и с незнакомым языком и нравами... Шамиль,

руководясь, быть может, подобными же мыслями, имел к соперникам нового рода едва ли ещё не большее отвращение, ибо он мог ожидать, что мнимые благотворители — союзники, хотя б то были единоверные ему турки, потребуют от него покорности. Надобно полагать, что бездействию Шамиля способствовало отчасти и присутствие возвращенного ему сына Джемал-Эддина, покорного отцу, но не забывшего прежнего быта своего среди нас» [Задонский, 1974. С. 456. См. также: Тарле, 2005. Т. 2. С. 621]. Русская пословица гласит: «Старый друг лучше новых двух» — развивая эту мысль, нетрудно предположить, что и старый враг всегда будет проще, понятнее, привычнее нового, пока еще совсем неизвестного противника: возможно, что это простое соображение также в определенной степени повлияло на выбор Шамиля.

5. Вместо заключения

История российской дипломатии, как и любой другой, знала периоды взлетов и падений; при этом наибольшие успехи, как локального, так и глобального масштаба, нередко достигались не профессиональными дипломатами, а лицами, как бы случайно оказавшимися «в нужное время в нужном месте», что отчасти подтверждает мысль мемуариста о российском «умении всегда пользоваться людьми обратно их талантам» [Тютчева, 2000. С. 214]. Одним из таких, неизменно нужных, людей, многократно служивших России в самых разных сферах и сделавших немало для повышения ее международного престижа, был генерал Николай Николаевич Муравьев-Карский (1794–1866).

Извечный российский (впрочем, только ли российский?) выбор: кого предпочесть в трудную минуту? Того ли, кто лучше и более профессионально подготовлен, кто по всем признакам более годен для выполнения поставленной ему задачи — или же того, кто, возможно, менее готов, но при этом всецело лично предан своему господину (вышестоящему начальнику)? Пример Муравьева убедительно показывает, что в александровскую и николаевскую эпохи кадровая политика при всех существовавших издержках признавала очевидные вещи, а именно: в случае реальной необходимости верховная власть в лице императора и его региональных представителей была зачастую готова не только «закрывать глаза» на личную неприязнь к тому или иному лицу в интересах главного дела, но и, считаясь с общественным мнением, воздавать по заслугам отличившимся — хотя порой делая это и не в полной мере.

Так, возвращение капитана Муравьева из его первой экспедиции в Хиву принесло ему, по представлению генерала Ермолова, производство из капитанов сразу в полковники свиты по квартирмейстерской части (минуя майорскую ступень), а сведения, добытые им в обеих туркменских экспедициях и обобщенные в изданной в 1822 г. книге, пригодились спустя много лет при завоевании русскими Средней Азии.

Использование профессиональных военных в качестве дипломатов было типично для царской России, но выбор редко оказывался столь удачным, как это произошло с Муравьевым. Однако, сам крутой характер генерала, его неумение ладить с императорским двором и родство со многими декабристами не позволили ему достичь звания фельдмаршала и привели к преждевременной отставке, а впоследствии — к почти полному забвению, оставив в памяти потомков лишь взятие войсками под его началом крепости Карс в 1855 г.

Список литературы

- Высочков Л. В. Николай I. М., 2003. 694 с.
Гордин Я. А. А. Ермолов. М., 2012. 600 с.

-
- Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992. 559 с.
- Задонский Н. А.* Жизнь Муравьева. М., 1974. 461 с.
- История внешней политики России: первая половина XIX века. М., 1999. 448 с.
- Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., Наука, 1983. 416 с.
- Николай I и его время. Документы, письма, дневники, мемуары, свидетельства современников и труды историков. В 2-х т. М., 2000. 894 с.
- Тарле Е. В.* Крымская война. В 2-х т. М., 2005. 704 с.
- Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров. Воспоминания. Дневник. М., 2000. 416 с.
- Шишов А. В.* Схватка за Кавказ. XVI–XX века. М., 2005. 448 с.